

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (статья 1)

М.С. Константинов
Южный федеральный университет

Аннотация: В статье с позиций интегративно-когнитивистского подхода рассматриваются стратегии российско-украинской информационной войны 2013–2014 гг. В первой части статьи автор подробно анализирует когнитивные стратегии, концепты и фреймы российской пропаганды. Делается вывод, что придание конфликту экзистенциального статуса сняло моральные ограничения и стало причиной широкого распространения политического цинизма в современной России.

Ключевые слова: Российско-украинские отношения, информационная война, концепт, фрейм, когнитивная стратегия.

Александр Валентинович Оболонский в своём докладе¹ совершенно верно заметил, что существуют важные различия между бытовым цинизмом, и цинизмом политическим, а также между древней философией киников, и современным политическим цинизмом. Я не буду повторять описанные А.В. Оболонским различия, отмечу лишь ещё один очень важный момент, позволяющий отличить современный политический цинизм от всех других его форм, обозначенных в рамках указанного доклада. Специфика политического цинизма, на мой взгляд, состоит не просто в демонстративном отрицании общепринятых моральных норм, но в манипулировании моральным чувством сограждан в достижении прагматических политических целей. И самой опасной формой этого цинизма является оциничивание — под различными псевдоморальными предложениями — самого общества, когда представители этого общества получают индульгенцию на демонстративно аморальное поведение по отношению к некоторым категориям людей, к которым моральные нормы, якобы, неприменимы. Либо по той надуманной причине, что эти люди собственным аморальным поведением сами себя сознательно вывели за рамки применимости моральных норм, либо потому, что они, якобы, неморальны в принципе (например, таковы от рождения или «по своей природе» и т. д.)².

Я попытаюсь применить методологию интегративно-когнитивистского подхода³ в анализе стратегий российско-украинской информационной войны, развернувшейся в конце

¹ См. с. 164–172 настоящего номера журнала.

² Этот приём противопоставления «их морали и нашей» далеко не нов [Троцкий 1990: 105–126].

2013 г. и продолжающейся с различной степенью интенсивности и накала по сей день. Суть этого подхода состоит в исследовании моральных фреймов, определённым образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. Это влияние выражается в следующих функциях моральных фреймов: долженствования, ориентации в политическом пространстве, групповой идентификации, коммуникации и т. д. Не вдаваясь в детали, скажу, что в самом общем виде фрейм можно определить как рамки, которые задают смысловое определение ситуации. И, соответственно, определение и переопределение этих рамок есть одна из ключевых целей пропаганды и информационной войны. Следует сразу оговориться, что ни юридические (будь то вопросы легальности передачи власти на Украине, прав граждан, (военно)пленных и т. д.), ни фактологические вопросы не были предметом моего доклада. Меня интересовало исключительно информационное освещение событий в медийном пространстве. Так, у нас нет данных о военной поддержке Россией самопровозглашённых Донецкой и Луганской народных республик. Однако факт наличия информационной поддержки этим республикам со стороны России навряд ли кто-то станет оспаривать.

Многие журналисты, публицисты и аналитики уже обращали внимание на то, что главным препятствием для реализации информационной войны между Россией и Украиной стало глубоко укоренённое представление о единстве украинского и русского народов, об их общей исторической судьбе. Преодоление этого препятствия осуществлялось посредством дегуманизации противника, придания ему нечеловеческого образа с целью уменьшить давление моральных запретов, лишив моральные фреймы объекта приложения. Так, с одной стороны конфликта широкое распространение получили такие наименования пророссийских активистов, как «колорады» и «ватники»; с другой стороны — «укропы», «бандерлоги» и т. д. Однако действенность подобной «дегуманизации» вызывает сомнения. В конфликте приходится сталкиваться с реальными людьми, а не с мультяшными «колорадскими жуками» или «укропом». Сам накал противостояния говорит о том, что информационная война затронула гораздо более глубинные пласты сознания или, если угодно, «менталитета» противоборствующих сторон, чем это предполагает использование инвективов, вроде «колорады» или «укроп».

Следует иметь в виду, что одним из ключевых отличий информационной войны от PR-кампаний и рекламы является навязывание чуждых целей, изменение на самом глубоком уровне целеполагания. Чтобы воздействовать на этот уровень, задача пропагандиста не может свестись к вбросу в медийное пространство инвектив и мультяшных образов, но должна предполагать подбор значимых и символических фактов и событий (или их конструирование), актуализирующих в массовом сознании определённые концепты и закрепляющих ассоциированные с этими концептами моральные фреймы («фашистский оккупант» — агрессивный, трусливый, алчный, эгоистичный и т. д.; «воин-освободитель» — благородный, мужественный, добрый, щедрый, способный к самопожертвованию и т. д.). И, действительно, анализ позволяет выявить несколько таких стратегий, использованных в рассматриваемой информационной войне.

Уже на самом раннем этапе противостояния в российских СМИ были актуализированы несколько базовых концептов, которые вызвали в коллективной памяти моральные фреймы, негативно характеризующие сторонников Евромайдана («майдаунов»). Сам процесс отрешения В.Ф. Януковича от власти преподносился российскими СМИ не просто как «фашистский» переворот, но и как предательство по отношению к России и её народу, по отношению

---

³ В основу доклада положен интегративно-когнитивистский подход к анализу моральных фреймов политических идеологий, разработанный С.П. Поцелуевым, М.С. Константиновым, Т.В. Беспаловой и И.В. Николаевым [Поцелуев, Константинов 2013: 61–64]. Данный подход предполагает комплексное изучение взаимообусловленности политической морали и идеологии, которое реализуется посредством сочетания методологии деятельностного и концептологического подходов, а также фрейм-анализа.

к коллективной «славянской» идентичности и к исторической памяти, одним из ключевых нарративов которой выступала история совместной победы над европейским фашизмом.

Термин «хунта», использовавшийся для характеристики временного правительства на Украине, наделялся специфическим для этого термина моральным смыслом предательства «истинных» («исторически сложившихся») интересов народов Украины и России, а также продажности, политической беспринципности, бесчестности, аморальности и даже сексуальной невоздержанности и извращённости (особенно симптоматичны в этом плане два «документальных» фильма «Принцесса у парашу» и «Фурии Майдана: секс, психоз и политика», транслировавшиеся по телеканалу «НТВ» 29 марта и 19 апреля 2014 г.).

Демонстративная апелляция украинских властей к политикам США и Европы и стремление Украины ассоциироваться с ЕС привели к тому, что когнитивная матрица, активно навязывавшаяся в последние годы российской пропагандой по отношению к американцам и европейцам («наглые», «хитрые», «бездуховные», «аморальные», «извращенцы», «пендосы», «растлевающий Запад», «Гейропа» и т. д.), была спроецирована на сторонников «Евромайдана». Однако эта матрица приобрела и некоторую специфику: все перечисленные качества преподносились как вторичные, заимствованные, как следствие неумелого подражания заблудших и обманутых украинцев, порождённого временным помутнением рассудка и ослеплением ложными миражами европейского благополучия. Вполне естественно, что идея подражания, безумия и ослепления отсылает нас к поведению обезьяны, которая после прыжков и ужимок оказывается загипнотизирована песнями кипплинговского Каа.

Эта идея закрепляется в образе «скачущего на Майдане бандерлога», который дал себя одурачить хитрым европейским политикам и готов фактически «продать страну» «за печеньеки Виктории Нуланд». Популярность, которую получил в рунете ролик с кричалкой «Евромайдана» «Хто не скаче, той москаль», тому лишнее подтверждение. Понятно, что здесь есть отсылка также к истории колонизации Америки, к бусам, зеркалам и наивным аборигенам, но на этом я уже останавливаться не буду. Российское же общество в этой матрице представлялось как островок стабильности, духовности, традиционных моральных ценностей, вековой мудрости и великодушия: «Мы-то уже пережили ослепление 90-х гг. и хорошо знаем, чего стуют посулы и обещания американцев и европейцев! А вот наивные хохлы, напившись майдауновского чаю с наркотиками, совсем сбрендил и их нужно лечить». Определённое значение в этом контексте имело бескровное присоединение Крыма к России, позволившее противопоставить «кровавый Майдан» и «скакавших на нём бандерлогов», которые демонстрировали свою жестокость, бросая «коктейли Молотова» в сотрудников «Беркута», — «вежливым зелёным человечкам», обеспечивающим порядок при проведении референдума в Крыму.

Что здесь наиболее важно? То, что «вероломное коварство» коллективного «Запада» (и прежде всего, «заклятого партнёра» России — США), которое «ослепило, свело с ума и заставило скакать на Майдане» братский народ, было воспринято не просто как акт агрессии, но на гораздо более глубоком — экзистенциально-цивилизационном уровне — как братское предательство, попирающее самые основания морального фундамента и единства «русского мира». У Александра Зиновьева в книге «Гомо советикус» есть замечательная мысль о неприменимости моральных критериев к советскому обществу (Лев Дмитриевич Гудков тоже об этом говорил в своём докладе⁴), поскольку советский человек был поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали [Зиновьев 2000: 66]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что драма, которая разворачивается на Украине, усилиями российских СМИ была представлена как покушение на самые фундаментальные основы существования российского общества или, если угодно, русской цивилизации, что с необходимостью снимало моральные барьеры в борьбе за выживание.

⁴ См. с. 137–163 настоящего номера журнала.

Если общество ощущает угрозу собственному выживанию, культурно-цивилизационным основам своего существования, оно оказывается поставлено ниже той грани, о которой говорил Александр Зиновьев. И здесь важно не столько то, насколько реальны эти угрозы. Гораздо важнее абсолютно циничная готовность российских властителей дум в угоду сиюминутной политической конъюнктуре превратить заурядный, в общем-то, конфликт в цивилизационное противостояние, с нагнетанием истерии по поводу «фашистов-бендеровцев», «пятой колонны» и т. д. Фактически, именно российские СМИ выдали индульгенцию и власти, и простым россиянам на самое циничное поведение в отношении реальных или мнимых участников рассматриваемого конфликта. Произошло то, что Петер Слотердаик по отношению к Веймарской Германии назвал «превращением рефлексивно-цинического настроения общества в агрессивное и демонстративное... [Когда] мир стал продолжением войны другими средствами» [Слотердаик 2001: 452].

И в нашем случае аналогии с Веймарской Германией в известной степени уместны: российское общество усилиями медиа действительно оказалось в состоянии продолжения холодной войны. Болезненные воспоминания о поражении в холодной войне, о «предательских» 90-х гг., компенсируются активной мифологизацией победы во Второй мировой войне, вызывая желание реванша, повторения великих побед и возрождения военной мощи страны. Этим объясняется и терпимость по отношению к «антисанкциям», готовность к определённым жертвам. Поэтому одним из самых эффективных методов, доказавших свою действенность, стал метод эксплуатации коллективной памяти о Великой Отечественной войне (далее — ВОВ) посредством транспонирования фреймов из героического прошлого.

Особенно яркими примерами являются концепт долга, ассоциированный с фреймами ответственности перед поколением ветеранов ВОВ («деды воевали»), воинского благородства и мужества («русские своих не бросают», «триста стрелковцев»⁵, вставших на защиту мирного населения), бесхитростной простоты и близости к народу («народные республики», «народные губернаторы», «народное ополчение», персонализируемое в медийных образах «Мотороллы» и «Гиви») и противопоставляемый ему концепт предательства, конкретизирующийся во фреймах коллаборационизма («каратели», «полицаи», «печеньки Нуланд»; в России — «пятая и шестая колонны»). Противопоставления визуализированы и маркированы различными цветами, символизирующими добро, жизнь, спасение («зелёные человечки» — «вежливые люди»), с одной стороны, и смерть, агрессию, алчность и жестокость — с другой («чёрные человечки» — «нацгады»).

Особенно ярко эффект транспонирования фреймов ВОВ проявил себя в двух «парадах», прошедших практически в одно и то же время (24 и 25 августа 2014 г.) в Киеве и в Донецке. Перформанс «парада» в Донецке символически и концептуально воспроизвёл «Парад победённых» в Москве 17 июля 1944 г. В рамках этого действия закреплялось противопоставление «антифашистского» ополчения «наёмникам» и «карателям, бомбящим мирных жителей». Особенно удачно обыгрывались бомбардировки жилых кварталов городов Донбасса, по-

---

⁵ Рассматриваемые концепты весьма многослойны. Так, концепт «триста стрелковцев» отсылает, помимо прочего, к битве при Фермопилах и раскрученному образу «трёхсот спартанцев» царя Леонида. Об этом говорит, в частности, следующий факт: в размещаемых на Youtube роликах о Стрелкове и его «стрелковцах» в качестве фоновой музыки довольно часто использовался «Гимн Спарты» — саундтрек из фильма «Триста спартанцев» Зака Снайпера (см., например: http://www.youtube.com/watch?v=QL5IH_ODWac). Один из популярных весной-летом 2014 г. в Донецке билбордов, визуализировавших образ «трёхсот стрелковцев» (см., например: http://mosmonitor.ru/blogs/blog/razryiv_shablona_300_strelkovtsev) явно пытался создать и эксплуатировать эту ассоциацию: «героические триста спартанцев» — «стальные русские» («стрелковцы»). Это тем более очевидно, что по признаниям самого И.И. Гиркина (Стрелкова), его первоначальный отряд в Славянске насчитывал не 300, а всего лишь 50 человек.

Массу материалов для подобного анализа даёт националистический проект «Спутник и погром», предоставлявший активное медийное сопровождение проекту «Новороссия». Чтобы в этом убедиться, достаточно беглого просмотра визуализированных материалов, размещаемых на сайте <http://sputnikipogrom.com/>.

скольку ассоциировались одновременно и с гитлеровскими бомбардировками городов, и с бомбардировками Дрездена союзниками, и с атомными бомбардировками японских городов Хиросимы и Нагасаки (1945 г.). Звучавшая во время «парада» культовая песня «Вставай, страна огромная!» символизировала «восставший против фашистской хунты народ», а поливальные машины, следовавшие за пленными, очищали землю Донбасса от «грязи», оставленной «нацистскими сапогами».

Наращение противостояния (знаковые события: Корсуньский погром, снайперы на Майдане, пожар в «Доме профсоюзов», начало АТО, события 2 мая 2014 г. в Одессе и т. д.), соответствующее медийное сопровождение этих событий — от однобокого освещения реальных фактов до откровенной лжи по поводу «распятых мальчиков в трусиках» и «изнасилованных эпилептических старушек» — только усиливали уверенность в экзистенциальном характере конфликта и накаляли страсти. Достаточно сказать, что есть целый ряд интервью с добровольцами из России — участниками вооружённого сопротивления на Донбассе, где в качестве толчка, капли переполнившей чашу, называются события 2 мая 2014 г. в Одессе. Эта трагедия, каковы бы ни были её реальные причины, в глазах российского обывателя окончательно поставила «другую сторону» конфликта за рамки добра и зла.

И речь нужно вести не только о самых явных проявлениях цинизма, таких как отвратительнейшая реакция некоторых журналистов и озлобленного общества на смерть Валерии Новодворской, гибель сына Сергея Иванова, сына Виктора Януковича или символичное, на фоне Кремля, убийство Бориса Немцова. Ещё пару лет назад подобная циничная реакция была бы просто невозможна. Однако это то, что на поверхности и бросается в глаза. Гораздо важнее, на мой взгляд, менее очевидные вещи. Например, отношение российского общества к поступку актёра Михаила Пореченкова: мало кого смутил сам факт эдакого «сафари» с целью пострелять в людей, которые ещё вчера считались братьями (а ведь моральную тупость в этом отношении довольно легко объяснить, учитывая героизацию ополченцев-добровольцев из России: ведь если осуждать Пореченкова, то придётся осудить и их, — тех, кто пишет в своих Интернет-блогах «ёду мочить хохлов»). Возмущения высказывались только по поводу использования Пореченковым символики «Пресса», что потенциально может нести угрозу российским журналистам.

Но ещё более опасна терпимость общества к практикам достижения пусть даже и морально оправданных целей любыми средствами. В российском обществе произошёл некий серьёзный надлом, результатом которого стало всеобщее моральное отупение, абсолютное безразличие к любым, самым циничным действиям участников конфликта, будь то вовне или внутри. Когда можно обвинить мать семерых детей в предательстве Родины, оторвать её от грудного младенца, увести в другой город, и мало у кого этот факт вызовет моральное негодование. Когда можно устраивать самую настоящую травлю актёров, музыкантов, оппозиционных политиков и журналистов по федеральным каналам, и никого уже не смущает ни откровенное враньё, которое используется в этой травле, ни тот цинизм, с которым она совершается. И т. д., и т. п. Особенно показательным здесь понимающее приятие «лжи во имя...»⁶ со стороны российской власти во время крымских событий. Сначала Россия устами её Президента, министра обороны и министра иностранных дел заявляет, что российских войск в Крыму нет, а вооружённые «зелёные человечки» — это местные добровольцы, купившие оружие «в военторге». Затем через пару месяцев признаётся, что это были российские войска, но те, которые разрешены договором с Украиной. И, наконец, апофеозом стал фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину», показанный 15 марта 2015 г. по телеканалу «Россия», в котором президент уже прямо говорит о военной операции, использовании (во имя благих целей, естественно!) сил специального назначения на территории другой страны и т. д. И мало у кого эта ложь и последующая бравада по поводу её успешности вызвали мо-

⁶ По принципу «я сам обманываться рад», если результатом этого самообмана будет то, что «мы им показали».

ральное негодование. Типичная реакция: «Американцам можно, а нам нельзя? Бандерлоги людей сжигали, насиловали, убивали и т. п., а русские в Крыму нуждались в нашей защите».

Придание конфликту усилиями медиа экзистенциального статуса сняло моральные ограничения и стало оправданием откровенно циничного поведения как представителей российской власти, так и российского обывателя. Поразительно не то, что подобное вообще стало возможным — учитывая мощь современных медийных технологий и средств манипуляции, это не вызывает удивления, — но то, с какой скоростью это произошло и какой тонкой оказалась связь между украинским и российским народами, грань между цивилизацией и варварством.

Зиновьев А.А. *Собрание сочинений в 10 т. Т. 5: Гомо советикус*. — М.: Центрполиграф, 2000.

Поцелуев С.П., Константинов М.С. 2013. Интегративно-когнитивистский анализ моральных фреймов политических идеологий. — *Философия права*. — № 6(61). — С. 61–64.

Слотердаjk П. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Троцкий Л.Д. 1990. Их мораль и наша. — *Вопросы философии*. — № 5. — С. 105–126.